

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Джудит Джарвис Томсон

В защиту аборт^{*}

Джудит Джарвис Томсон – профессор-эмерит факультета философии и лингвистики. Массачусетский технологический университет, Кембридж, США. Department of Linguistics and Philosophy, MIT, 77 Massachusetts Ave, Cambridge, MA 02139, USA; e-mail: jjt@mit.edu

«В защиту аборт^{*}» – самый известный текст американской исследовательницы в области философии и этики Джудит Томсон. Он интересен тем, что Томсон пытается преодолеть разрыв между сторонниками аборт^{*}, считающими, что плод не является личностью, и женщина имеет право на распоряжение собственным телом, и противниками, которые, напротив, считают, что плод является личностью (пусть, может быть, только в перспективе), и это право перевешивает право женщины на распоряжение собственным телом. Для этого Томсон предлагает необычный для этого спора путь: предположить, что противники аборт^{*} правы в том, что плод является личностью. Она полагает, что противники аборт^{*} на основе этой посылки делают преждевременное заключение о недопустимости аборт^{*}. Она обращает наше внимание на то, что право на жизнь не включает в себя права требовать от кого-либо траты каких-либо ресурсов или усилий на поддержание этой жизни, а именно этим и занимается беременная женщина, поскольку плод находится в её теле и питается за ее счет. Соответственно, если женщина не хотела, чтобы в ней оказался плод, если она не хотела создавать новую жизнь, а уж тем более, если плод угрожает ее собственной жизни и здоровью, то она имеет полное право от него избавиться, а посторонние лица имеют право ей в этом помочь.

Ключевые слова: аборт, этика, плод, личность, тело, право

Большинство противников аборт^{*} исходит из предпосылки, что плод является человеческим существом, личностью (person), с момента зачатия. В поддержку этой предпосылки приводятся аргументы, которые, на мой взгляд, не являются вполне убедительными. Возьмем, например, самый распространенный аргумент. Нам предлагают обратить внимание на то, что развитие человека от момента зачатия, потом рождения и до периода детства, непрерывно, поэтому провести линию, выбрать на ней определенную точку и сказать «до этого момента личности нет, а после него есть», значит сделать произвольный выбор – выбор, для которого в природе вещей нельзя привести никакого рационального

* Перевод выполнен по изданию: Thomson J.J. A Defence of Abortion // Philosophy & Public Affairs, 1971. Vol. 1. No. 1. P. 47–66. Публикуется с разрешения издательства Wiley.

объяснения. Отсюда делается вывод, что плод – это личность, или, во всяком случае, что его следует считать таковым с момента зачатия. Однако данное заключение не следует из посылок. С тем же успехом можно рассуждать о развитии желудей в дубы, но отсюда не следует, что желуди – это дубы, или что лучше их считать таковыми. Подобные аргументы иногда называют «аргументами скользкого склона» (*slippery slope arguments*)¹ – обозначение говорит само за себя, и вызывает тревогу тот факт, что противники абортотерапии полагаются на них всерьез и не подвергают их никакому сомнению.

Однако я склонна согласиться, что возможность «провести линию» развития плода довольно туманна. Я также склонна думать, что нам, вероятно, следует согласиться, что плод становится личностью еще до рождения. В самом деле, невозможно не удивиться, впервые узнав о том, как быстро в процессе развития эмбрион приобретает человеческие черты. К десятой неделе, например, у него уже есть лицо, руки, ноги и отчасти уже сформированы пальцы; у него есть внутренние органы и фиксируется мозговая активность². С другой стороны, я полагаю, что данная предпосылка ложна, что плод не является личностью с момента зачатия. Недавно оплодотворенная яйцеклетка, новое скопление клеток не более является человеком, чем желудь дубом. Но я не собираюсь это обсуждать. Мне кажется, в целях аргументации стоит задаться вопросом, что будет, если мы примем эту предпосылку. Как именно предполагается, отталкиваясь от нее, достичь заключения о том, что аборты недопустимы с моральной точки зрения? Противники абортотерапии большую часть времени уделяют доказательству того, что плод является личностью, и практически не уделяют внимания переходу от этого утверждения к недопустимости абортов. Возможно, они полагают, что этот переход так прост и очевиден, что не требует особых пояснений. Или возможно они просто экономны в своей аргументации. Многие защитники абортотерапии исходят из предположения о том, что плод не является личностью, но представляет собой просто частичку ткани, которая станет личностью после рождения; так что зачем тратить больше аргументов, чем требуется? Каким бы ни было объяснение, я полагаю, что обсуждаемый переход не является ни простым, ни очевидным, он требует более пристального рассмотрения, и подвергнув этот переход такому рассмотрению, мы почувствуем его недостоверность.

Таким образом, я предлагаю допустить посылку о том, что плод с момента зачатия является человеком. Каким образом должна развиваться аргументация? Я понимаю это приблизительно так. Каждый человек имеет право на жизнь. Следовательно, плод имеет право на жизнь. Несомненно,

¹ Подобные аргументы основаны на предположении, что даже маленький шаг по этому «склону» или в определенном направлении неизбежно потянет за собой и другие шаги и приведет к тому, что все закончится «спуском по склону» или к большим и неприятным последствиям. Например, когда профессор отказывается отвечать на вопрос во время лекции, ссылаясь на то, что это действие неизбежно приведет к тому, что все будут задавать ему вопросы, на которые он будет вынужден отвечать, и что тогда не останется времени на саму лекцию. – *Примеч. пер.*

² Callahan D. *Abortion: Law, Choice and Morality*. N. Y., 1970. P. 373. В этой книге представлено интересное исследование имеющейся информации об абортах. Еврейская традиция исследуется в: *Feldman D.M. Birth Control in Jewish Law [Part 5. The Catholic tradition]*. N. Y., 1968); *Noonan J.T., Jr., An Almost Absolute Value in History*; Noonan J.T., Jr., ed. *The Morality of Abortion*. Cambridge, Mass., 1970.

мать имеет право решать, что произойдет внутри ее тела и с ним самим – с этим согласится каждый. Но право человека на жизнь конечно важнее и непреложнее, чем право матери решать, что происходит с ее телом и внутри него, и таким образом первое перевешивает последнее. Следовательно, нельзя убивать плод; недозволительно совершать аборт. Звучит правдоподобно. Но давайте представим следующее. Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете себя в кровати спиной к спине со знаменитым скрипачом, который находится без сознания. У него был обнаружен смертельный недуг почек, и Сообщество любителей музыки изучило все доступные медицинские документы и обнаружило, что вы обладаете подходящим типом крови для того, чтобы помочь ему. Поэтому они похитили вас, и прошлой ночью кровеносная система скрипача была подключена к вашей, чтобы ваши почки могли выводить яд из его крови также, как и из вашей. Директор больницы говорит вам: «Нам очень жаль, конечно, что Сообщество любителей музыки так с вами поступило, и если бы мы об этом знали, ни за что не допустили бы этого. Однако скрипач уже подключен к вам. Отключить его – значит убить. Вы не беспокойтесь, это всего на девять месяцев. К этому моменту он поправится и сможет быть отключен от вас без угрозы для здоровья». Должны ли Вы, с моральной точки зрения, дать согласие в этой ситуации? Несомненно, было бы невероятной любезностью с вашей стороны, если бы вы согласились. Но обязаны ли вы соглашаться? Что, если бы речь шла не о девяти месяцах, а девяти годах? Или больше? Что, если директор госпиталя скажет: «Не повезло, я согласен, но теперь нам придется оставить вас в постели с подключенным к вам скрипачом на всю жизнь. Вспомните, все люди имеют право на жизнь, а скрипач – человек. Определенно, вы имеете право решать, что произойдет с вашим телом и внутри него, но право человека на жизнь перевешивает ваше право, так что вы никогда не можете быть отключены от него». Полагаю, вы расценили бы сказанное как нечто совершенно возмутительное. Это означает, что с вроде бы правдоподобным аргументом, который я недавно привела, что-то не так.

В данном случае вы, конечно, были похищены, а не вызвались самостоятельно на операцию, в результате которой скрипач оказался подключенным к вашим почкам. Могут ли противники абортов сделать исключение для случая беременности в результате изнасилования? Несомненно. Они могут сказать, что человек имеет право на жизнь, только если он не появился в результате изнасилования, или они могут сказать, что все люди обладают правом на жизнь, но некоторые обладают им в меньшей степени, чем другие, особенно те, кто появился в результате изнасилования. Однако эти утверждения звучат довольно неприятно. Несомненно, вопрос о том, имеет ли кто-либо вообще право на жизнь и насколько правомерны эти притязания, нельзя связывать с вопросом о том, является ли его существование результатом изнасилования. В действительности люди, выступающие против абортов исходя из приведенного выше утверждения, не проводят такого различия и, следовательно, не делают исключений для случаев изнасилования.

Также они не делают исключений для случаев, когда мать вынуждена провести девять месяцев беременности в постели. Они согласятся, что для матери это, конечно, невероятно тяжело, но как бы там ни было, каждый человек име-

ет право на жизнь, плод – это человек, и т. д. На самом деле, я подзреваю, что они не сделали бы исключения, даже если бы беременность длилась девять лет или всю жизнь.

Некоторые не сделают исключения и для таких случаев, когда беременность укоротит жизнь матери. Они воспринимают аборт как нечто неприемлемое даже ради спасения жизни матери. Подобные случаи в наши дни очень редки и многие противники абортов не принимают таких радикальных взглядов. Тем не менее, их обсуждение будет хорошим началом: по поводу этих взглядов можно сделать ряд интересных утверждений.

1.

Давайте будем называть представление о том, что аборты недопустимы даже ради спасения жизни матери, «радикальным». Я полагаю, во-первых, что оно не следует из вышеупомянутого аргумента без допущения дополнительных достаточно сильных посылок. Представим себе, что женщина забеременела и узнала, что состояние ее сердца таково, что она умрет, если выносит ребенка. Что для нее можно сделать? Поскольку плод есть человек, у него есть право на жизнь, но ведь мать тоже человек, и у нее тоже есть право на жизнь. Предположительно, право на жизнь у них одинаковое. Как в таком случае отсюда следует, что аборт делать нельзя? Если у матери и ребенка право на жизнь одинаковое, то, вероятно, нам следует бросить монетку? Или к праву на жизнь матери следует прибавить ее право решать, что произойдет с ее телом и внутри него, которое, по всей видимости, все признают, так что сумма ее прав перевесит право плода на жизнь?

Самый известный аргумент состоит в следующем. Нам говорят, что аборт будет непосредственным убийством³ ребенка, в то время как, ничего не делая, мы не убьем мать, но только позволим ей умереть. Более того, убивая ребенка, мы убиваем невинного человека, поскольку ребенок не совершал никакого преступления, и он не собирался убивать свою мать. Есть несколько путей, продолжающих данное рассуждение. (1) Поскольку непосредственное убийство невинного человека абсолютно недопустимо, делать аборт нельзя. Или, (2) поскольку непосредственно умерщвляя (**kill**ing) **невинного человека**, мы совершаем убийство (**murder**), а последнее абсолютно недопустимо, делать аборт нельзя⁴. Или, (3) поскольку наш долг, состоящий в том, чтобы избежать непо-

³ Термин «непосредственное» в аргументах, к которым я обращаюсь, является техническим. Грубо говоря, под «непосредственным умерщвлением» (*direct killing*) подразумевается либо убийство как окончание (*end*) само по себе, либо умерщвление как средство достижения окончания, например, окончания спасения чьей-либо жизни. В сноске (б) можно посмотреть пример употребления этого слова.

⁴ См. Энциклику Папы Пия XI “*Casti Connubii*” (О целомудренности брака) *Encyclical of Pope Pius XI on Christian Marriage*. St. Paul Editions. Boston, n.d. P. 32: «как бы мы ни жалели мать, чье здоровье и даже жизнь ставятся под угрозу при исполнении долга, назначенного ей природой, остается вопрос, что может быть достаточным оправданием для непосредственного убийства невинного? Именно с этим вопросом мы имеем дело в данном случае». Нунан понимает это следующим образом: «Что может помочь нам каким-либо образом оправдать непосредственное умерщвление невинного? Ибо речь идет об этом» (См.: *Noonan J.T., Jr. The Morality of Abortion*. P. 43).

средственного убийства невинного человека, является более непреложным, чем долг по предотвращению смерти человека, аборт совершать нельзя. Или, (4) если мы можем только либо непосредственно убить невинного человека, либо дать ему умереть, следует предпочесть тот вариант, где мы даем человеку умереть, и, следовательно, аборт делать нельзя⁵.

Некоторые люди, похоже, считают эти послышки не дополнением, специально принятым для того, чтобы получить желаемое заключение, а непосредственным следствием из факта, что невинный человек имеет право на жизнь⁶. Однако мне кажется, здесь кроется ошибка, возможно простейший способ показать это состоит в демонстрации ложности всех четырех тезисов при одновременном безусловном признании права невинных людей на жизнь. Возьмем, например, второй тезис. Если непосредственное умерщвление невинного человека является убийством, и, следовательно, оно недопустимо, тогда мать, которая непосредственно умерщвляет в себе невинного человека, является убийцей, а это недопустимо. Но аборт нельзя всерьез считать убийством, если мать прибегает к нему ради спасения своей жизни. Нельзя всерьез утверждать, что она должна отказаться от аборта, что она должна спокойно сидеть и ждать своей смерти. Давайте вновь вернемся к случаю с вами и скрипачом. Вот вы лежите в кровати со скрипачом, и директор больницы говорит вам: «Это очень огорчительно, и я вам глубоко сочувствую, но, понимаете, это создает дополнительную нагрузку на ваши почки, так что вы умрете в течение месяца. И все равно вы должны остаться с ним, поскольку, отключившись, вы убьете невинного скрипача, а убийство недопустимо». Если в мире и есть что-то истинное, так это то, что вы не совершите убийства, не совершите недопустимого, если потянетесь к своей спине и отключите себя от этого скрипача, чтобы спасти свою жизнь.

Рассуждения об абортах по большей части были сосредоточены на вопросе том, может или нет третья сторона ответить на просьбу женщины сделать ей аборт. В некотором смысле это понятно. Положение дел таково, что женщина не может безопасно сделать сама себе аборт. Так что вопрос ставится лишь о том, что может сделать третья сторона, а что может делать мать, если вообще упоминается, то выводится как дополнение к тому, что может делать третья сторона. Однако мне кажется, что ставить вопрос таким образом, значит отказывать матери в том самом статусе человека, который так настойчиво приписывают плоду, поскольку мы просто не можем вывести, что можно делать

⁵ Интересно, что утверждение (4) слабее, чем утверждения (1), (2) и (3): они исключают аборт даже в тех случаях, когда и мать, и дитя умрут в случае, если аборт не будет сделан. Те же, кто придерживаются точки зрения, выражаемой в утверждении (4), напротив, будут вполне последовательны, если скажут, что нет смысла позволять умереть двоим, вместо того чтобы убить одного.

⁶ См. следующий отрывок из Обращения Пия XII к Обществу Итальянских Католических Акушеров: «Ребенок в чреве матери получает право на жизнь напрямую от Господа. Следовательно, нет человека, авторитета, науки, медицинского, евгенического, социального или экономического “указания”, которое могло бы гарантировать веское юридическое обоснование для сознательного распоряжения жизнью невинного человека. Такое распоряжение [жизнью], которое направлено на ее уничтожение либо в виде ее окончания (end), либо в виде средства, которое, вероятно, само по себе ведет к ее окончанию, неприемлемо. Нерожденный ребенок в той же мере и по той же причине является человеком, как и его мать» (цит. по: Noonan J.T., Jr. *The Morality of Abortion*. P. 45).

человеку, из того, что можно делать третьей стороне. Представьте, что вы обнаружили себя запертым в очень маленьком доме со стремительно растущим в нем ребенком, и уже через несколько минут из-за него рухнут стены и раздавят вас насмерть. С другой стороны, ребенок раздавлен не будет. Если ничто не остановит его рост, ему будет больно, но в конечном итоге он вырвется из дома и вырвется на свободу. Я понимаю, если наблюдатель скажет: «Мы ничего не можем сделать для вас. Мы не можем выбирать между его жизнью и вашей, мы не можем решать, кому из вас жить, мы не можем вмешиваться». Однако из этого нельзя заключить, что вы не можете предпринять что-либо ради своего спасения. Каким бы невинным ни был ребенок, вы не обязаны спокойно сидеть и ждать пока он раздавит вас. Возможно, беременную женщину мы смутно ощущаем как приют, которому нельзя предоставить право на самозащиту. Но если женщина и обеспечивает приют ребенку, необходимо помнить, что она является личностью, которая обеспечивает приют.

Я должна, пожалуй, остановиться и четко сказать, что я не утверждаю, что люди могут делать что угодно ради спасения своей жизни. Напротив, я скорее думаю, что есть довольно жесткие пределы права на самозащиту. Если кто-то угрожает вам смертью, требуя, чтобы вы пытали кого-то до смерти, я полагаю, у вас нет права делать это даже ради спасения своей жизни. Однако рассматриваемый случай существенно иной. В нашем случае участвуют только два человека: жизнь одного находится под угрозой, а второй угрожает ей. Оба они невиновны: тот, чьей жизни угрожают, находится под угрозой не из-за какой-то вины, тот, кто угрожает жизни первого, угрожает ей не вследствие какой-либо вины. Из-за этого мы можем чувствовать себя, как сторонние наблюдатели, которые не имеют права вмешиваться в происходящее. Однако тот, чьей жизни угрожают, может.

В итоге женщина, несомненно, может защищать свою жизнь от угрозы со стороны нерожденного ребенка, даже если это повлечет за собой его смерть. Это показывает не только то, что тезисы с первого по четвертый ложны; но также и то, что радикальный взгляд на аборт ложен, и, следовательно, нам не нужно придумывать любые другие возможные способы перейти к нему от аргумента, который я упомянула в начале.

2.

С позиции радикального взгляда на аборт можно было бы, конечно, немного отступить и сказать, что, хотя аборт и допустим ради спасения жизни матери, однако он не может быть произведен третьим лицом, но только самой матерью. Но это также неправильно. Следует помнить, что мать и нерожденный ребенок – это не два арендатора в маленьком доме, который был по какой-то ошибке сдан обоим: мать владеет домом. В силу этого факта выведение утверждения о том, что мать не должна ничего предпринимать, из предположения о том, что третьи лица не должны ничего предпринимать, оказывается еще более оскорбительным. Более того, в свете данного факта существенно проясняется предположение о том, что третьи лица ничего не должны делать. Обнаруживается, что третье лицо, которое говорит: «Я не могу выбирать между вами» само

себя обманывает, полагая, что оно беспристрастно. Если Джонс нашел некое пальто и нацепил его, чтобы не замерзнуть, но пальто принадлежит Смигу и нужно ему для этих же целей, тогда высказывание: «Я не могу выбирать между вами» не является выражением беспристрастности. Женщины снова и снова говорят: «Это мое тело!» и у них есть причина злиться, основание считать, что их никто не слышит. В конце концов, Смит едва ли будет счастлив, если мы скажем: «Конечно, это твое пальто, каждый с этим согласится. Но никто не может выбирать между тобой и Джонсом в вопросе о том, кому оно достанется».

Нам следует хорошенько задуматься о том, что заставляет нас сказать «никто не может выбирать», с учетом того факта, что вообще-то тело, в котором находится ребенок, принадлежит матери. Возможно, это просто неспособность заметить данный факт. Либо речь может идти о чем-то более интересном, а именно об ощущении, что у нас есть право отказаться навредить кому-либо, даже если это справедливо и честно, даже если кажется, что справедливость требует от кого-то сделать это. Так, справедливость может требовать, чтобы кто-то отнял пальто у Джонса и отдал обратно Смигу, но у вас все же есть право отказаться от нанесения вреда Джонсу, право отказаться применить к нему физическое насилие. Это, я полагаю, необходимо признать. Однако далее следует сказать не «никто не может выбирать», а только «я не могу выбирать», и даже не это, а «я не буду действовать», оставляя это кому-то другому, кто может или должен, в частности тому, у кого есть полномочия, чья работа заключается в обеспечении прав людей, кто может и должен это сделать. Здесь нет ничего сложного. Я не требую, чтобы любое третье лицо должно было выполнить просьбу матери сделать ей аборт ради спасения ее жизни, но только говорю, что оно может это сделать.

Я полагаю, что согласно некоторым представлениям тело матери как бы дано ей взаймы на таких условиях, что она не имеет на него особых прав. Те, кто придерживается таких представлений, могли бы считать проявлением беспристрастности высказывание «я не могу выбирать». Я отвергаю такую возможность и считаю, что если человек и имеет справедливое преимущественное право на что-либо, то это должно быть право на свое собственное тело. Вероятно, здесь нет надобности приводить аргументы в защиту этой позиции, поскольку, как я уже упоминала, противники абортов, аргументы которых мы рассматриваем, согласны с тем, что женщина имеет право решать, что произойдет с ее телом и внутри него. Я пыталась показать, что, хотя они действительно признают это, они не принимают всерьез то, что такое признание предполагает. Я полагаю, что то же самое проявится даже ярче, если мы перенаправим наше внимание со случаев, когда жизнь матери находится в опасности, на гораздо более распространенные случаи, когда женщина хочет сделать аборт по гораздо менее веским, чем спасение собственной жизни, причинам. Рассмотрим таких случаев я предлагаю сейчас заняться.

3.

В случае, когда жизнь матери не находится в опасности, вышеупомянутый аргумент кажется более весомым. «Каждый имеет право на жизнь, так что нерожденный ребенок также имеет право на жизнь». А разве право на жизнь ребенка не важнее, чем что бы то ни было, помимо права матери на собственную жизнь, которое она могла бы привести в качестве основания для аборта?

В этом аргументе право на жизнь рассматривается так, как будто оно совершенно непроблематично. А оно проблематично, и здесь, как мне кажется, кроется причина ошибки.

В связи с этим следует, наконец, задаться вопросом, что значит иметь право на жизнь. Некоторые полагают, что иметь право на жизнь – значит иметь право на получение минимума, необходимого для продления жизни. Но представим себе, что этим минимумом, необходимым для продления жизни, является нечто, на что человек не имеет никакого права. Например, я смертельно больна, и единственное, что могло бы спасти мою жизнь – прикосновение холодной руки Генри Фонды⁷ к моему пылающему лбу. В этом случае я все же не имею права на это прикосновение. Было бы невероятно любезно со стороны Генри Фонды прилететь с Западного побережья ко мне и коснуться меня. Было бы чуть менее любезно, хотя, несомненно, весьма благородно, если бы мои друзья слетали на Западное побережье и привезли бы оттуда Генри Фонду. Но у меня нет никакого права требовать от кого-либо, чтобы это было сделано для меня. Или, возвращаясь к ранее рассказанной мною историей скрипача, тот факт, что он нуждается для продолжения своей жизни в использовании ваших почек, не дает ему никакого права на это использование. У него определенно нет никакого права требовать от вас, чтобы вы позволили ему продолжать использовать ваши почки. Ибо никто не имеет права использовать ваши почки до тех пор, пока вы сами не предоставите это право. Если же вы позволите ему использовать ваши почки, это любезность с вашей стороны, а не то, что он может требовать как нечто ему причитающееся. Тем более он не имеет права требовать от кого-либо еще, чтобы ему помогли использовать ваши почки ради продолжения его жизни. Определенно, он не может требовать от Сообщества любителей музыки, чтобы они подключили его к вам. И если вы решите отсоединиться, осознав, что иначе вам придется провести девять лет в постели с ним, никто в мире не должен пытаться помешать вам, ради того чтобы убедиться в получении скрипачом того, на что он имеет право.

Некоторые люди понимают право на жизнь еще строже. С их точки зрения, оно не включает в себя право на что-либо и сводится исключительно к праву не быть убитым. Но в связи с этим возникает одна трудность. Если каждый должен воздерживаться от убийства этого скрипача, то каждый также должен воздерживаться и от многого другого. Каждый человек должен воздерживаться от того, чтобы перерезать ему горло или застрелить его, и каждый должен воздержаться от того, чтобы отключить вас от него. Но имеет ли он право требовать, чтобы все воздерживались от того, чтобы отключить вас? Воздерживаться

⁷ Генри Фонда – американский актер. – *Примеч. пер.*

от этого значит позволить ему продолжать использовать ваши почки. Можно утверждать, что у него есть право требовать от нас позволить ему продолжить использовать ваши почки. Другими словами, хотя он не имел права требовать, чтобы мы позволили ему начать использовать ваши почки, можно утверждать, что он, тем не менее, может требовать от нас, чтобы мы не вмешивались и не лишали его использования ваших почек. Я вернусь к вмешательству третьих лиц позже. Однако скрипач не имеет права требовать от вас позволения использовать ваши почки. Как я сказала, если вы позволите ему сделать это, это будет любезностью с вашей стороны, а не обязанностью.

Сложность, на которую я указываю, не связана исключительно с правом на жизнь. Она постоянно возникает в связи со всеми естественными правами, и ее следует учитывать при любом последовательном рассмотрении прав. Для наших целей достаточно будет просто обратить на это внимание. Однако я хочу подчеркнуть, что не утверждаю, будто у людей нет права на жизнь – как раз наоборот, я считаю, что мы должны принять в качестве главного критерия приемлемости объяснения прав признание в качестве истины того, что все люди обладают правом на жизнь. Я лишь утверждаю, что тот факт, что человек имеет право на жизнь, не гарантирует ни права на предоставление чужого тела в пользование ни право на продолжение этого использования, даже если это необходимо для выживания.

Так что апелляция к праву на жизнь не может служить простым и очевидным аргументом против абортов, на что противники абортов, вероятно, рассчитывали.

4.

Есть другой способ выявить эту сложность. В обычном смысле этого слова, лишить кого-то того, на что он имеет право, значит поступить с ним несправедливо. Предположим, мальчик вместе со своим маленьким братом получил на Рождество коробку конфет. Если старший брат возьмет коробку и откажется давать брату конфеты, он поступит несправедливо, поскольку у брата есть право на половину коробки. Но представим, что, узнав, что вам придется провести девять лет в постели со скрипачом, вы отключите себя от него. Вы определенно не поступаете несправедливо по отношению к нему, поскольку вы не давали ему никакого права на использование ваших почек, и никто другой не мог бы ему дать это право. Однако следует отметить, что, отключаясь, вы его убиваете; скрипач, как и любой другой человек, имеет право на жизнь и, следовательно, исходя из точки зрения, которую мы только что рассматривали, право не быть убитым. Так что в данном случае вы делаете то, что в соответствии с его правом предположительно вам не следует делать, однако вы не поступаете несправедливо по отношению к нему.

Коррекция, которую здесь можно внести, может быть следующей: право на жизнь состоит не в праве не быть убитым, но скорее в праве не быть убитым несправедливо. В связи с этим может возникнуть порочный круг, однако это позволяет нам увязать тот факт, что скрипач имеет право на жизнь, с тем фактом, что вы не поступите несправедливо по отношению к нему, если отклю-

чите себя и таким образом убьете его. Ибо, если вы не убиваете его несправедливо, то вы не нарушаете его право на жизнь, поэтому неудивительно, что вы не причиняете ему несправедливости.

Однако если принять эту поправку, становится очевидным пробел в такой аргументации против аборт: недостаточно просто показать, что плод является человеком, и напомнить нам, что все люди имеют право на жизнь, следует также показать, что, убивая плод, мы нарушаем его право на жизнь, т. е. что аборт есть несправедливое убийство. Так ли это?

Я полагаю, в качестве исходной позиции можно принять ко вниманию тот факт, что в случае беременности в результате изнасилования женщина не давала нерожденному ребенку никакого права на использование ее тела для еды и пристанища. В самом деле, при какой же беременности можно полагать, что мать дала нерожденному ребенку такое право? Не говорит же женщина, которая хочет ребенка, перемещающимся по миру нерожденным людям: «Я приглашаю тебя внутрь».

Однако можно утверждать, что есть другие пути получения права использовать чужое тело, кроме как быть приглашенным обладателем этого тела. Представим себе женщину, которая добровольно вступает в половой контакт, зная, что может забеременеть, и она действительно беременеет. Разве она отчасти не несет ответственности за присутствие, а по факту даже существование, человека внутри нее? Конечно, она не приглашала его. Но разве ее частичная ответственность за то, что он находится в ней, сама по себе не дает ему право пользоваться ее телом⁸? Если так, то, совершая аборт, она поступит скорее как мальчик, который забирает себе все конфеты, а не как вы, когда отключаетесь от скрипача. Сделать так, значит лишить плод того, на что он имеет право, и таким образом поступить несправедливо по отношению к нему.

Далее можно также спросить, имеет ли она право убить плод в случае, когда это необходимо для спасения ее жизни, если она добровольно зачала его? Как теперь она может убить его, пусть для самозащиты?

Первое, что нужно отметить, так это то, что здесь мы сталкиваемся с чем-то новым. Противники аборт были настолько сосредоточены на доказательстве независимости плода, того, что он имеет такое же, как и его мать, право на жизнь, что не замечали возможной выгоды, которую они могли бы извлечь, доказав, что плод зависит от матери, поэтому она имеет особые обязательства перед ним, обязательства, которые дают ему право требовать то, что не может требовать независимый от нее человек, например, скрипач, который является ей чужим.

С другой стороны, этот аргумент дал бы нерожденному ребенку право на тело его матери, только если она забеременела в результате добровольного акта, в который вступила с полным осознанием возможности забеременеть. Это полностью исключило бы из рассмотрения случай нерожденного ребенка, появившегося в результате изнасилования. Пока у нас нет другого аргумента, нам остается заключить, что нерожденные дети, появившиеся в результате изнасилования, не имеют права на использование тела матери, так что аборт

⁸ На необходимость в обсуждении этого аргумента мне указали члены Общества этики и философии права (The Society of Ethical and Legal Philosophy), которым изначально была представлена данная работа.

в этом случае не отнимает у них ничего, на что они имеют право и, следовательно, не является несправедливым убийством. Следует также заметить, что совсем не очевидно, что данный аргумент действительно выполняет предназначенную ему роль. Есть разные случаи, и детали здесь имеют значение. Например, если в комнате душно, я открываю окно, чтобы проветрить ее, и вор забирается внутрь, абсурдно говорить: «Ну теперь он может остаться – она дала ему право пользоваться ее домом, поскольку она частично ответственна за то, что он находится там, ведь она позволила ему попасть внутрь, добровольно открыв окно, прекрасно зная при этом, что есть такая штука, как воры, и что воры забираются в окна». Это было бы еще большим абсурдом, если бы я установила решетки на окнах как раз для того, чтобы не позволить вору забраться, но он все равно забрался бы из-за брака в решетке. Это будет столь же абсурдным, если мы представим, что не вор забрался внутрь, а какой-то невинный человек случайно попал или влетел внутрь. Опять же, представьте, что дело обстоит так: человеческие семена дрейфуют в воздухе как пыльца, и если вы откроете окно, они могут залететь и прорасти на вашем ковре или обивке. Вы не хотите детей, поэтому устанавливаете на ваших окнах сетки от этих семян – лучшие из тех, что можно купить. Однако может так случиться, и в крайне редких случаях случается, что одна из сеток бракованная, семя проходит сквозь нее и пускает корень. Значит ли это, что росток человека, который теперь развивается у вас, имеет право пользоваться вашим домом? Разумеется, нет, несмотря на то, что вы добровольно открыли окна, у вас есть мягкая мебель и ковры, на которых эти семена могли бы прорасти, и знали, что иногда сетки бывают с браком. Некоторые могут утверждать, что вы несете ответственность за то, что человек-растение укоренилось, и что теперь у него есть право на пользование вашим домом, потому что в конце концов вы могли бы прожить без ковров и мягкой мебели, запечатав окна и двери. Однако это не так, то же самое было бы сказать, что любая женщина могла бы избежать беременности в результате изнасилования, сделав гистерэктомию или не покидая дом без охраны (надежной!) армии.

Мне кажется, что с помощью рассматриваемого аргумента можно доказать в лучшем случае только то, что есть случаи, когда нерожденный ребенок имеет право использовать тело своей матери, и, следовательно, есть случаи, когда аборт является несправедливым убийством. Можно обсуждать, что это за случаи, если таковые действительно имеются. Однако я думаю, нам не стоит касаться этих вопросов и лучше оставить их открытыми, поскольку в любом случае этот аргумент не доказывает, что любой аборт является несправедливым убийством.

5.

Однако есть еще один аргумент. Безусловно, мы все должны признать, что могут быть случаи, когда было бы недопустимо с моральной точки зрения отлучить человека от вашего тела ценой его жизни. Предположим, вы узнали, что скрипач нуждается не в девяти годах вашей жизни, а всего лишь в одном часе: все, что от вас требуется для спасения его жизни, – это провести с ним один

час. Предположим также, что использование им ваших почек никоим образом не скажется на вашем здоровье. Конечно, вас похитили. Конечно, вы не давали никому разрешения на подключение его к вам. Тем не менее мне кажется достаточно очевидным, что вам следует позволить ему использовать ваши почки в течение этого часа – отказаться было бы аморально.

Опять же, представим, что беременность длилась бы один час и не представляла бы угрозы для здоровья. И представим, что женщина становится беременной в результате изнасилования. Конечно, она ничего не делала добровольно для того, чтобы ребенок вообще появился. Конечно, она не делала ничего, что дало бы нерожденному ребенку использовать ее тело. Тем не менее, можно сказать, что, как и в случае с недавно видоизмененной историей скрипача, ей следует позволить ребенку остаться внутри нее на час, отказаться было бы аморально с ее стороны.

Некоторые люди склонны употреблять термин «право» так, будто это право проистекает из факта, что ваш моральный долг состоит в том, чтобы позволить человеку использовать ваше тело в течение часа, который ему так необходим для выживания, будто у него есть право использовать ваше тело в этот час, несмотря на то, что никто не предоставлял ему этого права. Они также могут сказать, что, если вы откажете этому человеку, поступите по отношению к нему несправедливо. Такое употребление термина настолько распространено, что его нельзя назвать ошибочным, однако я полагаю, что здесь происходит досадное размывание смысла, за строгостью которого, напротив, следовало бы следить. Представим, что коробка конфет, о которой я говорила выше, была дана не двум мальчикам, но только старшему из них. Вот он сидит и флегматично поедает конфеты, а его младший брат с завистью за этим наблюдает. В данном случае мы, скорее всего, скажем: «Нельзя быть таким жадным. Ты должен поделиться конфетами со своим братом». На мой взгляд, из истины этого высказывания вовсе не следует, что младший брат имеет какое-либо право на конфеты. Если мальчик отказывается поделиться конфетами с братом, он прожорливый, жадный и черствый, но не несправедливый. Полагаю, что некоторые могут сказать, что в данном случае младший брат все же имеет право на часть конфет, так что старший брат, не делись с ним, поступает по отношению к нему несправедливо. Но это лишь затуманивает то, что нам стоило бы четко различать, а именно различие между отказом мальчика поделиться в этом случае и в первом случае, когда коробку дали обоим мальчикам, и поэтому младший брат с любой точки зрения имеет право на половину конфет.

Еще одно возражение против употребления термина «право», которое предполагает, что из того факта, что А должен нечто совершить для Б, следует, что Б обладает правом на то, чтобы А совершил это для него, состоит в том, что в данном случае вопрос, имеет человек или нет на что-то право, ставится в зависимость от того, насколько легко его этим правом обеспечить, а это не просто прискорбно, но и неприемлемо с моральной точки зрения.

Вернемся вновь к случаю с Генри Фондой. Я сказала ранее, что не имею права на прикосновение его прохладной руки к моему пылающему лбу, даже если это необходимо для спасения моей жизни. Я сказала, что с его стороны будет невероятной любезностью, если он прилетит с Западного побережья,

чтобы помочь мне, но я не могу требовать от него, чтобы он это сделал. Представим теперь, что ему надо только пересечь комнату, приложить руку к моему лбу и моя жизнь будет спасена. Тогда, конечно, он должен сделать это – отказаться было бы недостойно с его стороны. Получается, что надо сказать: «Ах да, получается, что в данном случае она имеет право на прикосновение его руки к ее лбу, и с его стороны было бы несправедливо отказаться»? Что же, я имею право на прикосновение, когда Генри Фонда может легко его обеспечить, и не имею, когда ему сложно обеспечить это право? Представление, согласно которому права человека постепенно ослабляются и исчезают по мере того, как их становится все сложнее и сложнее предоставить ему, ужасает.

Таким образом, моя позиция состоит в том, что хотя вы должны позволить скрипачу использовать ваши почки в течение необходимого ему часа, мы не должны делать вывод, что у него есть на это право. Если вы откажетесь, мы должны будем сказать, что вы, как мальчик, который не делится своими конфетами, эгоистичны и черствы, даже непорядочны, но никак не несправедливы. Аналогичным образом, даже если предположить, что забеременевшая в результате изнасилования женщина должна позволить нерожденному ребенку использовать ее тело в течение необходимого ему одного часа, нам не следует отсюда делать вывод, что он имеет на это право. Если она откажется, следует сказать, что она эгоистична, бессердечна, непорядочна, но не несправедлива. Наши претензии в таком случае не будут менее обоснованными; они просто будут другими. Однако настаивать на этом нет нужды. Если действительно хотят вывести «он имеет право» из «вы должны», все равно несомненно следует признать, что существуют случаи, когда мораль не требует от вас позволять скрипачу пользоваться вашими почками, а он не имеет права использовать их, и в случае отказа вы не совершите несправедливости по отношению к нему. То же верно в случае с матерью и нерожденным ребенком. Никто морально не обязан девять лет или даже девять месяцев приносить в жертву свое здоровье, интересы и обязанности ради сохранения жизни другого человека, за исключением тех случаев – а мы оставляем открытой такую возможность – когда нерожденный ребенок имеет право требовать этого.

6.

По сути дела мы должны различить два вида самаритян: доброго самаритянина и того, кого можно назвать минимально порядочным самаритянином. История доброго самаритянина, как вы помните, такова:

Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: *Позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе* (Лк. 10:30–35)

Добрый самаритянин свернул со своего пути в ущерб себе, чтобы помочь человеку в беде. Нам ничего не говорится о том, какие были варианты, а именно, могли ли священник и левит помочь, делая меньше, чем сделал самаритянин, но если предположить, что могли, тот факт, что они ничего не сделали, показывает, что они не были хотя бы даже в минимальной степени порядочными самаритянами и не потому, что они не были самаритянами, а потому, что они даже в минимальной степени не были порядочными людьми. Разумеется, здесь дело в степени, но есть и существенное различие, оно становится наиболее очевидным в истории Китти Дженовезе, которую, как вы можете помнить, убивали, а тридцать восемь человек смотрели или слушали и не делали ничего, чтобы помочь ей. Добрый самаритянин сразу бросился бы на убийцу, чтобы оказать ей помощь. Или лучше сказать, это был бы выдающийся самаритянин, поскольку в данном случае он рисковал бы жизнью. Но те тридцать восемь человек не просто не сделали этого, они даже не удосужились взять телефон и позвонить в полицию. Минимально порядочный самаритянин сделал бы хотя бы это, а их бездействие чудовищно.

После того, как Иисус рассказал притчу о добром самаритянине, он сказал: «Иди и делай так же». Возможно, он имел в виду, что наш моральный долг состоит в том, чтобы поступать так же, как добрый самаритянин. Возможно, он побуждал людей делать больше, чем от них требует моральный долг. В любом случае, кажется очевидным, что моральный долг не требовал от тех тридцати восьми броситься на помощь, рискуя своей жизнью, и он не требует ни от кого жертвовать большими отрезками своей жизни, будь то девять лет или месяцев ради поддержания жизни человека, который не имеет права (хотя мы и оставляем этот вариант возможным) требовать этого.

В самом деле, ни в одной стране мира никто по закону не обязан делать для кого-либо ничего подобного. Однако существует класс поразительных исключений, и они очевидны. В данном случае меня не интересуют законы в отношении абортот, однако стоит обратить внимание на тот факт, что ни в одном штате этой страны (США. – *примеч. пер.*) никто, согласно закону, не обязан быть по отношению к кому-либо хотя бы минимально порядочным самаритянином. Нет закона, в соответствии с которым могли быть предъявлены обвинения тем тридцати восьми, которые стояли и смотрели, как умирала Китти Дженовезе. Зато в большинстве штатов этой страны закон требует от женщин быть не просто минимально порядочными самаритянками, но добрыми самаритянками по отношению к нерожденному ребенку внутри них. Само по себе это ничего не доказывает, поскольку вполне можно возразить, что здесь, как во многих европейских странах, следует установить законы, требующие, чтобы граждане были хотя бы минимально порядочными самаритянами⁹. Но это свидетельствует о вопиющей несправедливости существующего закона. Это также показывает, что группам людей, которые выступают против либерализации законов об абортот, т. е., по сути, стремятся провозгласить разрешение государством абортот антиконституционным, следовало бы начать выступать за принятие законов, требующих, чтобы все были добрыми самаритянами, в противном случае их следует обвинить в недобросовестности.

⁹ Обсуждение о связанных с этим проблемах и изучения европейского опыта применения подобных законов см.: *Ratcliffe J.M.*, ed. *The Good Samaritan and the Law*. N. Y., 1966.

Я думаю, что законы, требующие от граждан быть минимально порядочными самаритянами, – это одно, а законы, требующие быть добрыми самаритянами, – совсем другое и в действительности они совершенно неприемлемы. Однако меня в данном случае интересует не закон. Нам следует задуматься не о том, должен ли закон принуждать кого-либо быть добрым самаритянином, но о том, следует ли нам принять ситуацию, когда кого-либо принуждают, возможно, в силу самой природы, быть добрым самаритянином. Другими словами, нам следует сейчас обратить внимание на вмешательство третьих лиц. Я утверждала, что никто морально не обязан идти на большие жертвы ради поддержания жизни другого, не имеющего права требовать этих жертв. Это касается даже тех случаев, когда речь не идет о жертвовании жизнью. Мораль не обязывает нас быть добрыми самаритянами и тем более очень добрыми самаритянами по отношению друг к другу. Но что, если человек сам не может выбраться из подобной ситуации? Что, если он обращается к вам за помощью? Мне кажется очевидным, что есть случаи, когда мы можем помочь, когда добрый самаритянин помог бы выпутаться. Представьте, что вас похитили и впереди у вас девять лет в постели со скрипачом. У вас есть своя жизнь. Вам жаль его, но вы просто не можете отдать часть своей жизни на поддержание его жизни. Вы не можете выбраться из этой ситуации сами и просите меня помочь вам. Мне следовало бы подумать, что поскольку у него нет прав на использование вашего тела, для меня очевидно, что я не могу позволить, чтобы вас принуждали отказаться от столь многого. Я могу ответить на вашу просьбу, и это не будет проявлением несправедливости по отношению к скрипачу.

7.

Вслед за противниками абортов я говорила о плоде как о личности, и вопрос, которым я задавалась, состоял в том, можно ли, опираясь на исходный аргумент, состоящий только в том, что плод является личностью, обосновать заключение о недопустимости абортов. Я показала, что нет.

Конечно, существует еще множество других аргументов и можно сказать, что я просто ухватилась за неправильный. Можно сказать, что важно не просто то, что плод является личностью, но и то, что он является личностью, по отношению к которой у матери имеются особого рода обязанности, определяющиеся тем фактом, что она приходится ему матерью. Можно сказать, что все мои аналогии неуместны, поскольку у вас нет такого особого рода обязательств перед скрипачом, а у Генри Фонды нет особого рода обязательств по отношению ко мне. Нас могут также попросить обратить внимание на то, что закон обязывает как женщин, так и мужчин помогать своим детям.

Я обсуждала (коротко) этот аргумент выше в разделе 4, но его обобщение (еще более краткое) сейчас может оказаться полезным. Конечно, у нас нет каких-либо «специальных обязательств» перед человеком, пока мы прямо или косвенно не приняли их на себя. Если родители не пытались предотвратить беременность, не сделали аборт, после рождения не отдали ребенка на усыновление, а забрали его домой, тогда они приняли на себя ответственность за него, дали ему права, и не могут отказать ему в поддержке ценой его жизни, в

случае если его обеспечение всем необходимым им кажется слишком тяжелой задачей. Однако если они предприняли все разумные меры для того, чтобы предотвратить появление ребенка, у них нет особых обязательств перед родившимся ребенком, обусловленных одним лишь фактом биологического родства с ним. Они могут желать принять на себя эти обязательства, а могут и не желать. Я полагаю, что, если принятие на себя этих обязательств требует от них слишком больших жертв, они могут отказаться от них. Добрый самаритянин, или скорее – выдающийся самаритянин, не отказался бы, даже если бы это потребовало от него огромных жертв. Но тогда добрый самаритянин возьмет на себя обязательства и по отношению к скрипачу; так и Генри Фонда, если бы он был добрым самаритянином, прилетел бы с Западного побережья и принял бы на себя обязательства по отношению ко мне.

8.

Те, кто считает аборты морально допустимыми, сочтут мои аргументы неудовлетворительными по двум причинам. Первая состоит в том, что, хотя я утверждаю, что аборты нельзя считать недопустимыми, я не утверждаю, что они всегда допустимы. Могут быть случаи, когда вынашивание ребенка требует от матери быть всего лишь минимально порядочной самаритянкой, и это тот уровень, ниже которого мы не должны опускаться. Я склонна считать, что преимущество моей позиции по вопросу абортотворения состоит именно в том, что я не даю универсального ответа – да или нет. Такая позиция соответствует нашей интуиции, которая говорит нам, к примеру, что ужасно напуганная четырнадцатилетняя девочка, забеременевшая в результате изнасилования, без сомнения может сделать аборт, и закон, который запрещает это, – безумный закон. Она также подтверждает нашу интуицию, которая подсказывает нам, что прибегать к аборту в других случаях, несомненно, неправильно (*indecent*). Со стороны женщины неправильно требовать аборта на седьмом месяце беременности только из-за того, что ей не хочется откладывать путешествие за границу, а со стороны врача – сделать ей в этом случае аборт. Сам факт, что аргументы, на которые я обратила внимание, используются при обсуждении всех случаев абортотворения, или всех тех случаев абортотворения, в которых жизнь матери не подвергается опасности, как равнозначные с моральной точки зрения, должен был изначально навлечь на них подозрение.

Вторая причина состоит в том, что, хотя я и отстаиваю моральную допустимость абортотворения в некоторых случаях, я, тем не менее, не отстаиваю право матери на лишение жизни ее нерожденного ребенка. Две эти позиции легко спутать, поскольку до определенного момента плод не способен выжить вне тела матери, следовательно, его извлечение из ее тела неизбежно повлечет за собой его смерть. Однако между этими позициями есть существенное различие. Я утверждаю, что с моральной точки зрения вы не обязаны провести девять месяцев в постели со скрипачом, но это не значит, что если он каким-то чудом выживет после того, как вы отключитесь, вы имеете право повернуться и перерезать ему горло. Вы можете отсоединиться, даже если это будет стоить ему жизни, но у вас нет права требовать, чтобы его умертвили другими сред-

ствами в случае, если отключение от вас его не убьет. Конечно, найдутся люди, которых этот момент моей аргументации не устроит. Женщина может быть опустошена мыслью о ребенке, частичке ее самой, которого отдадут на усыновление, и о том, что она никогда больше не увидит его и не услышит о нем. Поэтому она может желать не просто того, чтобы ребенок был отделен от нее, но чтобы он умер. Некоторые противники абортов склонны считать это желание недостойным даже презрения, демонстрируя таким образом отсутствие восприимчивости к тому, что несомненно является источником невероятного отчаяния. Однако я согласна с тем, что желание смерти ребенку, тем более в случае, когда его можно отделить от матери, сохранив ему жизнь, ни у кого не может вызвать радости.

Теперь, однако, необходимо вспомнить, что на протяжении нашего рассуждения мы только гипотетически принимали посылку о том, что ребенок является живым человеком с момента зачатия. Аборт на самых ранних стадиях беременности, несомненно, не является убийством личности, и все, о чем я говорила, к нему не относится.

Перевод Александра Финиареля

A Defense of Abortion

Judith Jarvis Thomson

(Translated into Russian by Alexander Finiarel)

Professor emeritus, Department of Linguistics and Philosophy. Massachusetts Institute of Technology (MIT), Cambridge, USA. Department of Linguistics and Philosophy, MIT, 77 Massachusetts Ave, Cambridge, MA 02139, USA; e-mail: jjt@mit.edu

“A defense of abortion” is the most famous work by American moral philosopher Judith Thomson. It is of interest because Thomson is trying to overcome the gap between pro-choicers who think that a fetus is not a person and a woman has a right to dispose her body as she wants and pro-lifers who on the contrary think that a fetus is already a person which has a right to live and this right outweighs a woman’s right to dispose her body. To do that Thomson proposes an unusual for this dispute way: she assumes that pro-lifers are right about a fetus being a person. She thinks that basing on this argument they jump into the premature conclusion that abortion is impermissible. She draws our attention to the fact that the right to live does not include the right to demand from anybody any efforts or resources to support one’s life and this is exactly what a pregnant woman does since the fetus resides in her body and feeds at her expense. Hence, if a woman did not want the fetus to be in her body, if she did not want to call it into the existence and even more so if the fetus threatens her own health and life then she has every right to get rid of it and a third party has a right to help her even if it would perhaps be an indecent act.

Keywords: abortion, ethics, right, person, fetus, body

Список литературы / References

Callahan, D. *Abortion: Law, Choice and Morality*. New York: Macmillan Pub Co., 1970. 524 pp.

Feldman D. M. *Birth Control in Jewish Law Birth: Marital Relations, Contraception, and Abortion As Set Forth in the Classic Texts of Jewish Law*. New York: New York University Press, 1968. 349 pp.

Noonan, J. T., Jr. "An Almos Absolute Valuein History", in: *The Morality of Abortion: Legal and Historical Perspectives*, ed. J. T. Noonan, Jr. Cambridge, MA: Harvard University Press 1970, pp. 51–59.

Thomson, J. J. "A Defense of Abortion", *Philosophy & Public Affairs*, 1971, vol. 1, no. 1, pp. 47–66.

Encyclical Letter of Pope Pius XI on Christian Marriage. Boston: St. Paul editions, n.d. 69 pp.

The Good Samaritan and the Law, ed. J. M. Ratcliffe. Garden City, NY: Doubleday, 1966. 300 pp.

The Morality of Abortion ed. J. T. Noonan, Jr. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 276 pp.